

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

АННА КНЯЗЕВА
ГАЛИНА ВИНОГРАДОВА

ВЫСТАВЩИИ КИМВОЛ

ТОМ

Галина Виноградова

Анна Князева

Пылающий символ. Том 1

Серия «Пылающий символ», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68998894

Пылающий символ. детективный роман: Феникс; Ростов н/Д; 2023

ISBN 978-5-222-38663-7

Аннотация

На круизном лайнере в Средиземноморье происходит загадочное убийство. Элину Коган, бывшую сотрудницу израильской военной прокуратуры, подозревают в косвенном соучастии. Однако после покушения на нее саму девушка начинает собственное расследование и сталкивается с невидимым, но сильным противодействием. Поиски преступника приводят Элину к тайне, связанной со старинными пергаменами. Они хранят информацию, способную поколебать веру в Спасителя. К тому же выясняется, что за крамольными документами охотятся сотрудники Ватикана и члены радикальной христианской группировки...

В действительности же эта таинственная история началась еще в Древнем Риме, в доме гостинщика из Дрепана. В то время Римская империя теряла территории, ее раздирали

алчные узурпаторы и дикие племена. Однако судьба империи решалась не в столице, а в маленьких городах. Провинциалы из небогатых семей делали головокружительную карьеру, спасали отечество и создавали Новый Рим, определяя будущее Европы и Средиземноморья.

В романе история далекого прошлого причудливо переплетается с событиями наших дней. Главные герои настоящего и прошлого расследуют преступления, переживают опасные приключения, любят и ненавидят...

Содержание

Capitolo[1] I	6
Capitolo II	31
Capitolo III	60
Конец ознакомительного фрагмента.	83

**Анна Князева,
Галина Виноградова
Пылающий символ. Том 1
*Детективный роман***

© Князева А., текст, 2022

© Виноградова Г., текст, 2022

© ООО «Феникс», оформление, 2022

© В оформлении обложки использованы иллюстрации
по лицензии

* * *

Capitolo¹ I

Болгария, город Бургас.

Черное море, лайнер «Олимпик».

Наше время

На третьем этаже многоквартирного дома распахнулось окно, и в нем появилась девушка. Она выставила перед собой желтую дорожную сумку и перебросила наружу веревку, связанную из нескольких штор. Потом влезла на подоконник и, оглядев двор, скинула сумку вниз. Та упала между кустами на единственный незанятый пятак, и это все усложнило.

Девушка взялась за веревку, сползла с оконного карниза, уперлась ногами в стену и стала спускаться вниз до тех пор, пока хватило длины связанных штор. Когда она приземлилась на розовый куст, из ближайшего окна высунулась женщина с мобильным телефоном.

– Полиция? Тук се обира апартамент...²

Не дожидаясь встречи с полицией, девушка закинула сумку на спину и зашагала к центральной улице Бургаса, чтобы затеряться в толпе туристов и отыскать такси.

В это же время в пригороде Бургаса Сарафово, местном Беверли-Хиллз, в ходе случайной встречи произошел весьма

¹ Capitolo (ит.) – глава.

² Здесь грабят квартиру (болг.).

занимательный разговор. В помещение турагентства по продаже морских круизов вошел ослепительный черноволосый красавец в белых штанах.

Он бросил на стол рекламную листовку и решительно заявил:

– Мне нужен билет на этот круиз.

– Боюсь, это невозможно, – возразила сотрудница. – Корабль отплывает сегодня, – она посмотрела на часы, – уже через пятьдесят пять минут. Могу предложить такой же тур на завтра.

– Я хочу этот! – Клиент сел на стул, давая понять, что не тронется с места, пока не получит свое.

– Продажа путевок закрыта. У меня не примут заявку.

– Делайте что угодно. Я должен попасть на этот корабль.

Сотрудница турагентства протянула красочный каталог:

– Вы ничего не потеряете, если отправитесь завтра. Сегодняшний лайнер – «Олимпик» – необоснованно дорогой, класса «люкс», да и тематика круиза весьма специфичная...

Клиент вдруг прикрикнул:

– Не тратьте попусту время!

– Что, простите? – женщина испугалась.

– Звоните и договаривайтесь!

– У нас все заявки подаются на сайт.

– Так сделайте это через интернет! – бросил он.

Сотрудница придвинула к себе ноутбук и застучала по клавишам.

Чуть подождав, клиент нетерпеливо спросил:

– Ну, что там?

– Кажется, получается. Но заплатить придется наличными. – Женщина подняла глаза: – Имейте в виду, на борт вы все равно не успеете.

Он вытащил бумажник и, отсчитав купюры, швырнул их на стол.

– Вас это не должно беспокоить. Оформляйте бумаги, я тороплюсь.

– Давайте документы, – сотрудница турагентства поджала губы, – и, чтобы не терять время, продиктуйте мне сразу свое полное имя.

На стол шлепнулся паспорт, и клиент отчетливо произнес:

– Меня зовут Богдан Стоянов Апостолов.

Через десять минут он вышел из турагентства, сунул документы в задний карман брюк, однако, свернув за угол, тут же отпрянул. Спустя мгновение выглянул и убедился, что не ошибся: на автомобильной стоянке возле его машины крутились два типа не самой благонамеренной внешности. Они озирались по сторонам и явно поджидали Богдана.

Чертыхнувшись, он с сожалением вспомнил, что в багажнике остался чемодан, и решительно зашагал в противоположную сторону. Пройдя три квартала, вызвал по телефону такси.

Когда машина приехала, Богдан сел на заднее сиденье и приказал водителю:

– В морской порт, к пассажирскому терминалу. Гони!

До отправления теплохода оставалось чуть более получаса, когда на въезде в Бургас, у центрального кладбища, автомобиль застрял в глухой пробке. Богдан вышел на дорогу, обозрел вереницу машин и, вернувшись, пообещал таксисту двойную плату. Тот съехал на обочину, прижался к кустам, за которыми скрывался отбойник, и погнал вперед. Им начали сигналить, но желающих повторить этот финт не нашлось.

Когда наконец автомобиль въехал в центр города и до морского порта оставалось около километра, случилось еще одно происшествие, способное все погубить. На светофоре, когда водитель тронулся с места, под колеса машины бросилась девушка. Намереваясь поймать такси, она ударилась о крыло, и ее большая желтая сумка шлепнулась на капот.

Водитель резко затормозил и выскочил на дорогу, чтобы выплеснуть на пешеходецу³ свое негодование.

Богдан рванулся за ним и зло прокричал:

– Давай обратно в машину! Плачу двести евро! – Он схватил лежавшую на капоте сумку и кинул на заднее сиденье.

Девушка инстинктивно ринулась за поклажей, но Богдан затолкал ее в салон, влез туда сам и захлопнул дверцу.

– Гони в порт! – крикнул водителю. – С ней разберешься потом! Я опаздываю!

Богдан приготовился к тому, что невольная попутчица будет сопротивляться и попытается выпрыгнуть из машины,

³ Пешеход (болг.).

но она, вопреки ожиданиям, быстро успокоилась и, поймав на себе его взгляд, сообщила:

– Меня зовут Элина. Я тоже спешу в порт.

Он с облегчением выдохнул:

– Рад знакомству. Богдан.

Элина оказалась прелестной молодой женщиной: высокой, стройной, лет тридцати, с вьющимися каштановыми волосами. Представившись, она тут же отвернулась и стала смотреть в окно, давая понять, что не планирует углублять знакомство.

Вскоре автомобиль въехал на территорию морского порта и остановился у стеклянного терминала. Богдан выгрузил сумку, сказал Элине: «Я заплачу» – и швырнул две сотенные купюры водителю. Войдя в здание, прошел через металлоискатель и поспешил к зоне паспортного контроля.

Заняв очередь, он вдруг заметил, что Элина стоит за ним.

– Не удивлюсь, если мы поплывем на одном корабле, – с усмешкой сказал Богдан.

– Здесь все туда, – Элина кивнула на причал, у которого стоял пятипалубный лайнер «Олимпик». Его было видно сквозь стеклянную стену.

Когда через паспортный контроль прошла группа православных монашек, пограничник махнул рукой, и Богдан зашагал к кабинке.

Элина приготовила паспорт, намереваясь отправиться следом, но вдруг услышала оклик:

– Да поторопись же ты!

Она оглянулась и поняла, что это не ей. За спиной стояли нервная дама лет сорока и пожилая женщина в светлой блузке и юбке из жатой ткани. Достав из сумочки паспорт, та, что была постарше, сказала:

– Не волнуйся, доченька, мы успеваем.

Ее седые волосы были зачесаны назад и схвачены в милый хвостик, морщинистое лицо имело благородные черты и доброе, умиротворенное выражение. Женщина могла бы показаться простушкой, но даже мимолетного взгляда было достаточно, чтобы развеять это предположение: одежда на ней была брендовой, а шелковая шаль на плечах имела баснословную цену. Все говорило о достатке, которому не придавалось большого значения.

– Лучше бы мы опоздали! – буркнула девочка-подросток, которая держалась особняком.

– Лидия, не трепи бабушке нервы, – приказала нервная дама. – И не забывай звонить мне с дороги.

– Я не поеду с ней, мама... – сказала девочка по-английски.

– При мне, пожалуйста, только по-русски, – заметила бабушка и с укоризной посмотрела на дочь: – Твое воспитание. Не отрывай Лиду от русских корней, не делай из нее иностранку.

– Теперь не время читать нотации! Мне надо ехать на работу, а вам успеть на корабль, – ответила дама и, перехватив

взгляд Элины, кивком указала на паспортный контроль: – Вас приглашают. Пожалуйста, не задерживайте.

Элина собралась пересечь «границу», но ее придержал подросевший служащий терминала:

– Извинете ме⁴, – сказал он и подал кому-то знак.

Одновременно с этим к пограничной кабине направился католический священник в епископском облачении: черной сутане, подпоясанной широким малиновым поясом. На его плечах колыхалась короткая пелерина, а на голове торчал хохолок малиновой шапочки. За ним проследовал служака с багажом – субтильное бесполое существо с потупленным взглядом.

– И это мои каникулы... – с горечью обронила Лидия. – В компании старух и попов.

Бабушка взяла девочку под руку, а мать взглянула на часы и нервно проговорила:

– Это невыносимо!

Преодолев паспортный контроль, Элина отправилась к регистрационным стойкам.

На причале, у трапа лайнера, пассажиров ожидало шампанское и закуски. С таким сопровождением проверка посадочных документов прошла не без удовольствия.

Стюардесса в белом кителе вручила Элине корабельную карточку:

– На входе приложите ее к терминалу. Далее в коридо-

⁴ Прошу извинить (болг.).

рах есть мониторы, которые помогут сориентироваться. Ваша каюта – пятьсот двенадцатая, находится на средней палубе. Стол в ресторане – двадцатый. Ужин начнется в шесть.

Элина, как было велено стюардессой, отметила карту в терминале. Пик-пик – и ее сосчитали. Устройство регистрировало всех поднявшихся на борт и покинувших его пассажиров. Подобный контроль исключал возможные потери на стоянках, но если таковые случались, круизный менеджер точно знал, кого нужно искать.

Каюта Элины располагалась на носу корабля, неподалеку от лифтов. В ней были две небольшие комнаты, обширный балкон, много солнца, зелени и мебель красного дерева. Но что приятнее всего – ванная оказалась намного просторнее, чем ожидалось. Круизный лайнер был фешенебельным, как пятизвездочный отель или высококлассный курорт.

Момент отплытия Элина пропустила, после заселения решила вздремнуть. Проснувшись, сходила в душ и уложила волосы в простую прическу. Для ужина выбрала платье, которое могло сойти за вечернее. Надела легкие плетеные туфли, других у нее не было. Взглянув на себя в зеркало, испуганно вздрогнула и схватилась за шею, но тут же вспомнила, что цепочку с деревянным кулоном оставила в ванной. Она немедленно вернулась туда и надела кулон на шею.

Ресторан располагался на главной палубе, спуститься туда было можно двумя способами, но Элина предпочла стеклянному лифту обычную лестницу. По чистой случайности

Богдан выбрал тот же путь. У лестницы они столкнулись нос к носу.

– Преследуете меня? – он критически оглядел Элину.

– Не говорите глупостей.

– Ну хорошо. Давайте не будем ссориться. Во время путешествия нам, вероятно, еще придется встречаться.

– Это неизбежно, – подтвердила Элина. – Лайнер небольшой, особо не разгуляешься.

– Вот видите, сам бог велел нам с вами дружить.

– А вот это вряд ли. В лучшем случае – остаться знакомыми.

Разговаривая, они спустились на главную палубу и вошли в еще полупустой ресторан, где все пространство было выдержано в благородных молочно-серых тонах, большие круглые столы накрыты белыми скатертями и сервированы дорогими приборами.

– По-моему, неплохо, – сказал Богдан.

– Смотря с чем сравнивать, – обронила Элина.

Остановившись у двадцатого стола, они удивленно переглянулись.

– Вам сюда?

– И вам тоже?

– Ну-ну... – пробормотал Богдан и выдвинул стул, предлагая сесть.

– Не верю я в подобные совпадения, – проговорила Элина и опустилась на стул.

– Совпадения – излюбленный инструмент судьбы, чтоб вы знали... – он тоже хотел сесть, однако не успел: к их столу подошла бабушка Лидии.

Теперь она была иначе причесана, а на ее плечах покоился другой, не менее дорогой, палантин.

– Добрый вечер, меня зовут Нинель Николаевна.

Богдан выдвинул для нее стул, дождался, пока она сядет, после чего уселся напротив.

Элина поинтересовалась:

– А где ваша внучка?

– Придет позже, – ответила Нинель Николаевна.

В процессе дальнейшего разговора выяснилось, что она – петербурженка, а в Бургасе живет семья ее дочери. Два раза в год Нинель Николаевна приезжает в Болгарию, чтобы провести время с внучкой.

Вскоре к ним, как и ожидалось, присоединилась Лидия. По ее недовольному лицу было видно: если бы не голод, она бы предпочла остаться в каюте. Однако мало-помалу девочка оживилась, и дело было не в приятной беседе, а в красавце-болгарине, который вызвал у нее восхищение. Беседуя с бабушкой, она то и дело на него поглядывала.

Сам же Богдан все внимание устремил на красивую блондинку, сидевшую за соседним столом в компании не менее симпатичной темноволосой подружки. Из обрывков их разговора стало ясно: девушки – шведки, и ту, что приглянулась Богдану, звали Одой.

К половине седьмого за двадцатым столом еще пустовали два места. Одно из них вскоре занял невысокий круглолицый турок по имени Ердын Экинджи. Свое опоздание он объяснил неувязкой с каютой и рассказал, что оплатил съют с одной спальней, а его заселили в гранд съют с двумя. Во избежание непредвиденных расходов он потребовал переселить его согласно билету. И это оказалось весьма кстати, поскольку гранд съют предназначался итальянскому епископу и его помощнику.

Ердын Экинджи был многословен и говорил по-английски. Вскоре все сидевшие за столом последовали его примеру.

Последним, в сопровождении служки и метрдотеля, к двадцатому столу подошел епископ, о котором упомянул Ердын Экинджи и которого Элина видела в терминале. Его внешность была типичной для католического священника: худощавый, среднего роста, с бесстрастным сухим лицом и молодыми глазами.

Приветствуя участников трапезы, епископ назвал свое имя:

– Меня зовут Теофилус Чезарини.

Он сел во главе стола, а скромный помощник Себастиан разместился по соседству, там, где сидели симпатичные шведки.

Официанты принесли закуски и хлеб, Теофилус Чезарини сложил перед собой руки и преклонил голову:

– Благослови, Господи Боже, нас и эти дары, которые по благодати твоей вкушать будем... Аминь.

– Аминь, – повторил Богдан с усмешкой глубоко неверующего человека.

Все приступили к ужину.

Недолгое молчание вскоре прервал епископ:

– Если кто-то считает, что трапеза и молитва несовместимы, то и приятных ощущений от еды этому человеку ждать не стоит. Когда я был ребенком, мой дед после ужина садился у камина и с улыбкой говаривал: «За столом посидел, как в раю побывал».

– Хорошо сказано... – с почтением проговорила Элина.

– Еда – это дар божий. И чтобы пища приносила нам пользу, необходимо подобающим образом к ней относиться.

– Молиться? – спросил болгарин.

– Не молитва делает еду особенной, а благословение Господа, – закончил мысль Чезарини.

Изобразив на лице подобие интереса, Богдан поменял тему:

– Во сколько прибываем в Стамбул?

– Завтра в десять утра мы будем в Ялове, – ответила Нинель Николаевна. – Стоянка в Стамбуле – на обратном пути.

– Ах, как жаль! Хотел осмотреть храм Софии. – Богдан выжидательно и несколько провокационно взглянул на священника. – Кажется, теперь там снова мечеть?

– К сожалению, это так, – Теофилус Чезарини опустил

глаза. – Когда я думаю о Святой Софии, я глубоко печалюсь.

– Действительно неприятно. – Элина посмотрела на епископа, затем перевела взгляд на его помощника Себастиана, который сидел за соседним столом и, казалось, слушал спящей.

– Судьба храма – внутренне дело Турецкой Республики, – с видимым напряжением проговорил Ердын Экинджи.

Оторвавшись от еды, Нинель Николаевна возразила:

– Ошибаетесь, уважаемый. Собор Святой Софии – памятник общемирового значения.

– По закону здание мечети нельзя использовать по-другому! – воскликнул турок.

– Тысячу лет Софийский собор был главным храмом всего христианства, – сдержанно прокомментировал Чезарини.

– Собор Святой Софии – личная собственность Мехмеда Второго, который взял его на шпагу и объявил мечетью. – Ердын Экинджи раскраснелся, и с этой минуты разговор превратился в дискуссию. – Никто не смел отнимать мечеть у мусульман и делать ее музеем. Даже Кемаль Ататюрк!

– Кемаль Ататюрк забрал Святую Софию не только у мусульман, но также у православных, – рассудительно заметила Нинель Николаевна. – Переход храма в музей был важным этапом на пути преобразования Турции в светское государство.

В спор нехотя вмешался Богдан:

– Ступив на этот путь, Кемаль Ататюрк дошел до логиче-

ского конца: умер от цирроза печени по причине алкоголизма, – он проговорил эту фразу медленно, с едва уловимой иронией, явно позируя и стремясь произвести впечатление.

– Так или иначе, приняв такое решение, турецкое правительство пошло на конфронтацию со всем христианским миром, – заметила Элина, теребя пальцами свой кулон.

– А вы, простите, кто по профессии? – с заведомым неприятием спросил Ердын Экинджи.

Она ответила:

– Я – бывший военный.

– На мой взгляд, война – не для женщин, – улыбнулась ей Нинель Николаевна.

– Там, где я жила, это обязанность.

– Вы – израильтянка? – Ердын Экинджи переменился в лице. – Это многое объясняет!

– Гражданство не может быть ни виной, ни заслугой, – сдержанно проронила Элина.

За соседним столом послышался взрыв хохота, не относящийся к их разговору, но это окончательно выбило турка из колеи.

В его глазах вспыхнул злой огонек.

– Айя-София была и остается символом священного завоевания, обещанного нашим Пророком! Мы, турки, потомки великих османов, обязаны хранить и высоко нести Его знамя!

– Но-но... Не слишком-то хвалитесь своими завоевания-

ми, – тихо, но с заметным достоинством проговорила Нинель Николаевна. – Сдается мне, что ваше знамя изрядно потрепано.

– На что это вы так изысканно намекаете? – с подтекстом спросил Ердын Экинджи.

– Я намекаю на две русско-турецкие войны, когда русские войска дошли до Константинополя и могли бы вернуть Храм Софии, а заодно Босфор и Дарданеллы.

Повисла неловкая пауза, разговор сделался деструктивным, и это могло омрачить дальнейшее совместное путешествие.

Епископ Чезарини взял на себя миссию миротворца:

– Собор Святой Софии – Мудрости Божией – самый многострадальный храм в истории человечества. На его долю выпало три пожара, два землетрясения и сейчас он переживает очередной печальный этап.

Казалось, это всех примирило, но миссия священника провалилась.

Молчавшая до сих пор Лидия сузила глаза и с вызовом изрекла:

– А как же Четвертый крестовый поход?⁵ Вы про него забыли?

– Простите?.. – не понял епископ.

– Ты откуда об этом знаешь? – всполошилась Нинель Ни-

⁵ Четвертый крестовый поход в 1202–1204 гг., организованный папой Иннокентием III.

колаевна.

– Школьная программа за пятый класс, – уверенно отчеканила девочка.

– Ну-ну, продолжай...

– По благословению Римского папы крестоносцы захватили Константинополь, вломились в храм Святой Софии и устроили там резню. Христиане резали христиан! – воскликнула Лидия и, словно извиняясь, добавила: – Пришли за святынями и деньгами – берите. Но убивать-то зачем?

Выдержав недолгую паузу, епископ Чезарини ответил:

– Христиане нанесли друг другу немало ран. Никто перед Богом не без греха. В Евангелии от Матфея есть притча. Апостол Петр спрашивает у Иисуса: «Господи, сколько раз прощать брату моему, согрешившему против меня? До семи раз?» Иисус отвечает: «До седмижды семидесяти раз». «Часто ли надо прощать?» – спрашивает Петр. Иисус отвечает: «Всегда надо».

Лидия собралась что-то сказать, однако Нинель Николаевна жестом приказала ей помолчать и заговорила сама:

– В крестовые походы в те времена шли младшие сыновья рода, те, кто остался без наследства. Принцип майората уже существовал, земли и поместья не дробились, а доставались старшему в семье или в роду. Эти безземельные рыцари могли убить за монетку.

Епископ покачал головой:

– Неизмеримо бо́льшие беды постигли храм спустя три

столетия, когда Константинополь штурмовали османы. Согласно преданию, они ворвались в храм, где шло богослужение, и священники, не прекращая молитвы, скрылись в стене. Есть предсказание, что Святая София вновь станет христианской, стены разверзнутся, из них выйдут священнослужители, вернутся к алтарю и закончат службу, которую начали много веков назад.

– Предания, домыслы, чудеса, – нехотя протянул Богдан. – Не храм, а какой-то исторический аттракцион.

Красуясь перед ним, Лидия подхватила:

– Крестоносцы вывезли в Европу мощи святых апостолов, часть животворящего креста, копьё судьбы и погребальную плащаницу Иисуса.

– Не так много, – указала ей бабушка. – Количество реликвий, привезенных императрицей Еленой из Иерусалима, сильно преувеличено. Плащаница и прочее – более поздние наслоения.

– Что касается роли Святой Равноапостольной Царицы Елены⁶, ее заслуги в распространении христианской веры неоспоримы, – сказал Чезарини.

– Но вам, мужчинам, даже в христианстве удалось узурпировать власть, – увлекшись темой, заметила Нинель Николаевна.

⁶ Святая Равноапостольная царица Елена, мать императора Константина, причислена к святым за распространение христианства и раскопки в Иерусалиме, в ходе которых были обретены Гроб Господень, Животворящий Крест и другие реликвии.

– Попрошу воздержаться от подобных высказываний. – Священник отложил салфетку и поднялся из-за стола. – Благодарю за совместную трапезу и приятно проведенное время.

За его спиной вскочил Себастиан, выдвинул стул епископа и проследовал за ним до выхода.

– Ну вот... – Богдан усмехнулся, оглядел стол и остановил взгляд на Нинель Николаевне. – Обидели церковнослужителя.

– К слову сказать, – вмешалась Элина, – ваше замечание про исторический аттракцион в храме Софии было неуместным.

– Не будем же мы всерьез горевать об этом? – с улыбкой справилась Нинель Николаевна. – Каждый высказал свое мнение, только и всего. Вот увидите, завтра к обеду все утрясется.

Спустя полчаса все сидевшие за столом закончили ужин и разошлись кто куда.

Элина, Лидия и Нинель Николаевна поднялись на прогулочную палубу подышать морским воздухом. Прохаживаясь вдоль борта, они продолжили разговор.

– Вы необычайно хорошо осведомлены во многих вопросах, – проговорила Элина, обращаясь к Нинель Николаевне, но ей ответила Лидия:

– Что же тут странного? Бабуля у нас профессор.

– Вот как? – приятно удивилась Элина. – В какой области?

– Она специалист по старославянскому и церковнославянскому языкам, – протараторила девочка и повернулась к бабушке: – Правильно?

– Правильно, – подтвердила та. – Вот только тебя об этом никто не спрашивал.

– Как интересно, – проговорила Элина и собралась о чем-то спросить, но Нинель Николаевна опередила ее:

– За столом я обратила внимание на ваш кулон. Позвольте его рассмотреть?

– Если хотите... – Элина сняла цепочку с кулоном и протянула профессорше.

– Кусок дерева в серебре? Теплый... И такой простой, – удивилась профессорша. – Он что-то для вас значит?

– Память о матери.

– Простите, – Нинель Николаевна вернула украшение и, не сдержавшись, заметила: – На нем выжжен крест.

– И что в этом странного?

– Вы разве не иудейка?

– Мама была русской.

– Как же вы попали в Израиль?

– Вместе с отцом.

– Понимаю... – немного помолчав, Нинель Николаевна спросила: – Вас интересует раннее христианство?

– С чего вы так решили?

– Это же очевидно, такова тематика нашего круиза.

Элина замялась, не зная, как объяснить, и вдруг призна-

лась:

– Я здесь случайно. «Олимпик» оказался первым кораблем, который шел в Тель-Авив. Мне было необходимо поскорее уехать из Бургаса.

– Значит, вы останетесь в Тель-Авиве? Обратно с нами не поплывете? – профессорша огорченно покачала головой. – Жаль. Очень жаль. На обратном пути будет остановка в Демре⁷ и в Стамбуле.

– Из Тель-Авива я поеду к папе в Иерусалим, – сказала Элина.

– Вы там живете?

– Нет. Мой дом в Москве.

Нинель Николаевна с удивлением взглянула на Элину:

– Выходит, вернулись в Россию?

– Спустя несколько лет жизни в Иерусалиме возвратилась назад. По счастью, в Москве осталась родительская квартира.

Они шагали по палубе, и морской ветерок овеивал их лица. Пассажиров, гулявших так же, как они, было на удивление мало. С кормы доносилась музыка, которую, в сущности, и слышно не было, лишь угадывалась вибрация низких частот.

Лидия побежала туда, но вскоре вернулась, схватила бабушку за руку и потянула за собой.

⁷ Демре – современный город, выстроенный на месте древнего города Миры. Центр почитания Святого Николая.

– Идем!

– Что такое? Куда ты меня тащишь? – возмутилась Нинель Николаевна.

– В ночной клуб, там все танцуют!

– Нет-нет! Это место не для тебя.

Однако Элина неожиданно поддержала девочку:

– Это всего лишь дискотека. Туда пускают даже детей.

– Вы уверены? – взыскательно осведомилась профессорша.

– Абсолютно.

– Тогда идемте. Но ненадолго!

Они вошли в сияющий разноцветными огнями зал, где танцевали три десятка человек. На небольшом удалении от входа виднелся уставленный бутылками бар.

Нинель Николаевна рассерженно обрушилась на Элину:

– Здесь пьют спиртное!

– На лайнере его пьют повсюду, – ответила та и вдруг заметила Богдана, который танцевал с белокурой шведкой. Рядом с ними тряслись под музыку Ердын Экинджи и подруга Оды.

Увидев болгарина, Лидия до слез огорчилась:

– Они обнимаются!

– Этот парень – отчаянный проходимец, – усмехнулась Нинель Николаевна. – Но есть в нем что-то такое, из-за чего начинаешь симпатизировать ему.

– А по-моему, ничего особенного, – равнодушно оброни-

ла Элина.

Профессорша повела взглядом по залу и озабоченно посмотрела на часы:

– Ну вот что, дорогая... Вы оставайтесь, а мы с внучкой отправимся спать.

– Ну ба-а-а-бушка! – заныла Лидия. – Мы даже не потанцевали.

– Завтра – экскурсия в Ялову, потом многочасовая поездка в Херсек. Нам нужно выспаться.

– Дурацкое название! Дурацкая экскурсия! Дурацкое все! Я туда не поеду!

– В Херсеке родилась Святая Елена. Любой уважающий себя христианин должен там побывать, – сказала Нинель Николаевна и, прежде чем проститься, задала Элине вопрос: – Вы с нами поедете?

Она ответила:

– Если проснусь.

Из клуба Элина вышла пятью минутами позже. Побродив по палубам, изучила устройство корабля и те блага, которые предлагались пассажирам. В десять часов она вернулась в каюту и сразу легла спать.

Экскурсию и завтрак Элина, конечно же, проспала. По крайней мере, она так решила, проснувшись днем. Каково же было ее удивление, когда, выйдя на палубу, она увидела, что «Олимпик» стоит в порту Яловы, но пассажиры все еще на борту.

Заметив Нинель Николаевну, она спросила:

– А почему вы не поехали на экскурсию?

– Никто не поехал, – профессорша перевесилась через поручень и указала рукой на трап. – Ну вот! Наконец приехала полиция!

Проследив за ее жестом, Элина увидела, что на борт поднимаются полицейские.

– Да объясните же, что случилось?!

– Сегодня утром в одной из кают нашли убитую девушку.

– Боже мой... – Элина растерянно огляделась. – Уже известно, кто такая?

– Говорят, та самая белокурая шведка. На ужине она сидела за соседним столом.

Тем временем к ним вразвалочку подошел Богдан, одетый в те же белые брюки. Воротник его рубашки был расстегнут, волосы изрядно взлохмачены.

– Что случилось? – перехватив критический взгляд Элины, он ответил на ее произнесенный вопрос: – Вы правы, спал не раздеваясь. Вчера чуть-чуть перебрал.

Она равнодушно усмехнулась:

– Меня это не волнует.

– Вам не понравилось, что я не сменил одежду. Все дело в том, что мой чемодан...

– Повторюсь: мне нет до этого дела, – перебила его Элина.

– Тогда просветите, пожалуйста, что здесь происходит?

– На лайнере случилось убийство, – вмешалась в разговор

Нинель Николаевна. – Теперь здесь работают турецкие полицейские.

– Ого!

– Еще неизвестно, чем все это обернется для нас. На всякий случай я приказала Лидии оставаться в каюте.

– Думаете, она вас послушала?.. – Богдан не слишком любезничал, его настроение омрачало похмелье.

– А почему вы об этом спрашиваете? – Нинель Николаевна чуть напряглась.

– Я встретил Лидию в коридоре возле моей каюты.

Профессорша уточнила:

– Когда?

– Десять минут назад.

Ни слова не говоря, Нинель Николаевна бросилась к лифтам.

Богдан проводил ее безучастным взглядом и развернулся к Элине:

– Ну, так кого же здесь убили?

– Девушку, с которой вы вчера обнимались в клубе.

– Оду? – глаза Богдана расширились от испуга, но он сумел пошутить: – Да вы, я вижу, ревнуете.

– Советую как можно скорее обратиться к полицейским и дать показания.

– Не говорите ерунды, – демонстрируя полное безразличие, болгарин тем не менее выглядел напряженным.

Элина посчитала нужным заметить:

– В сложившейся ситуации это первое, что вы должны предпринять.

– Ну уж нет! – Богдан решительно помотал головой. – Если вызовут, расскажу, но сам на рожон не полезу.

– Ваше дело, вам и решать. – Элина собралась уйти, но он схватил ее за локоть.

– Это правда?

– Что?

– То, что убили Оду.

– Подобными вещами не шутят, – ответила Элина и указала глазами. – Отпустите меня.

– Извиняюсь, – Богдан отдернул руку и для пущей убедительности отступил на пару шагов.

Немного отойдя, она обернулась:

– Надеюсь, вы здесь ни при чем?

– Конечно же нет!

– Тогда вам просто не повезло.

Capitolo II

Римская империя, город Дрепан.

268 год

Город Дрепан, основанный греками в давние времена, раскинулся на побережье римской провинции Вифиния. Здесь, в придорожной гостинице, во дворе, увитом виноградной лозой, сидели отец и дочь. По их сосредоточенным лицам было видно, что разговор шел серьезный.

– Денег на пристройку не хватает, – сказал отец и положил кулаки на стол. Столбики монет, лежавшие на столешнице, оказались в его объятьях.

Девочка с тоской глядела на монеты, но видела зеленый дворик, окруженный белым портиком, за которым прятались комнаты для высокопоставленных постояльцев.

– Значит, нашей мечте не сбыться...

Отец наблюдал за тем, как менялось выражение ее лица – от азарта к разочарованию, а потом к безнадежности.

– Придется идти к ростовщику. – Он встал и распорядился: – Собирайся, Елена, пойдешь со мной.

Она вскочила из-за стола и взлетела на второй этаж в свою комнату. Там открыла заветный сундучок, наследство матери, и вытащила драгоценность – бронзовое зеркало с барельефом в виде изящного женского профиля.

– Мамочка, – прошептала Елена и заглянула в зеркало.

Из резной рамки на нее смотрело большеглазое лицо тринадцатилетней девочки в ореоле волнистых волос. Она оглядела себя и справа, и слева, но так и не поняла, насколько велико сходство с барельефом. Вздохнув, принялась распустить косы, чтобы сделать взрослую прическу, подобрала волосы в узел и закрепила их гребнем на затылке. Белую столу⁸ туго подвязала кожаным пояском, а на плечо набросила оранжевую паллу⁹.

⁸ Стола – женская туника, подпоясаная под грудью или на талии.

⁹ Палла – верхняя одежда для выхода, кусок мягкой ткани, который набрасывают на плечо и оборачивают вокруг талии.

John William Godward – Ione? between circa 1893 and circa 1900 (detail)

Спустившись в атриум¹⁰, Елена поймала на себе взгляд отца и прочла в нем грусть и одобрение.

– Ты взрослеешь и становишься все больше похожей на мать, – тихо сказал отец, а про себя подумал: «Надеюсь, ты не покинешь меня так же рано, как и она».

Он поцеловал девочку в щеку и, ощутив родной запах, с удивлением отметил в нем новые нотки.

– Попросим ларов о помощи! – Елена приблизилась к алтарю, где стояли глиняные статуэтки домашних богов-покровителей. Крылатые юноши могли исполнять желания, если их не тревожить по пустякам. Она положила перед каждым по кусочку медовой лепешки и что-то прошептала. Потом обернулась к отцу: – Я готова.

Вместе они пересекли широкий хозяйственный двор, притихший в этот полуденный час, и вышли на дорогу, построенную во времена императора-путешественника Адриана¹¹. Дорога, ширина которой позволяла разъехаться двум повозкам или даже двум колесницам, вела в порт, а в другом направлении, если верить отцу Елены, шла до самого Рима. Здесь, в городе, она обрамлялась узкими пешеходными

¹⁰ Атриум – внутренний световой дворик, центральная часть древнеримского жилища.

¹¹ Адриан – римский император в 117–138 гг. н. э.

дорожками. Елене хотелось бежать вприпрыжку, но девочка степенно шла позади отца, как и полагалось почтенной римлянке.

Навстречу им двигалась повозка, влекомая парой нетопливых волов. Хозяин важно выступал впереди, управляя животными, а шагавшие с обеих сторон рабы поддерживали ценный груз – огромные, больше человеческого роста, остро-донные пифосы, предназначенные для хранения зерна.

Внезапно раздался скрежет, повозка накренилась, и рабы подставили плечи, пытаясь удержать хрупкие амфоры. Хозяин криком остановил волов и бросился к телеге, чтобы убедить ее от дальнейшего крена.

Прохожие замерли, не понимая, что делать дальше. Сообразительнее всех оказался отец Елены. Увидев поломанное колесо и смятый обод, он подбежал к повозке и перехватил у хозяина тяжесть. Его лицо мгновенно побагровело, на шее проступили мощные жилы.

Хозяин повозки нашел деревянную чурку, подставил вместо искореженного колеса, и отец Елены смог распрямитесь.

– Что я тебе должен, добрый человек? – спросил хозяин волов.

– Не гневи богов, помощь на дороге священна, – ответил отец Елены. – А вот кузнец тебе нужен. Пошли своего раба вперед на сотню шагов, пусть войдет в мансио и спросит мастера Иосифа.

– Благодарю, и да помогут тебе боги во всех делах!

Отец учтиво склонил голову, и они с Еленой двинулись дальше, свернули в боковую узкую улицу, по которой могла проехать только одна повозка и только ночью – днем движение транспорта на узких улицах было запрещено. По обе стороны тянулись глухие стены домов, и каждая была украшена надписью или фреской, возможно поэтому улица не казалась унылой.

Eduardo Ettore Forti – Merchant in Pompeii. Before 1897

Форум в городе Дрепан был небольшим, однако все необходимое здесь имелось, даже двухъярусный нимфеум¹², со-

¹² Нимфеум – небольшое святилище, посвященное водным нимфам.

оруженный над источником, снабжавшим город водой. Площадь форума с трех сторон окружали портики, в тени которых прятались лавки с массивными столами ростовщиков и менял.

Сейчас покупателей было меньше, чем продавцов, но, когда Елена с отцом подошли к старому ростовщику-иудею, несколько человек направились к ним. Намечалось получение ссуды, и могли потребоваться свидетели.

– Мир тебе, почтенный господин, – отец Елены протянул руку для приветствия.

– Мир тебе, – старик-ростовщик важно кивнул, и синий тюрбан качнулся, показав лазоревую верхушку. Из широкого рукава расшитого халлука¹³ показалась его сухая, унизанная перстнями рука и коснулась мускулистого предплечья.

– Мы с дочерью пришли к тебе с просьбой. Я, Теодор из Фессалоник¹⁴, владелец мансио¹⁵ «У трех дорог», что у верфей, прошу у тебя в долг на год девять сотен серебряных денариев. При свидетелях обещаю вернуть их спустя год с назначенным прибытком.

Старик щелкнул пальцами, сидевший за маленьким столиком писарь вскочил на ноги и наклонился к хозяину. Оба начали загибать пальцы на руках, производя расчеты.

После недолгих переговоров старик объявил:

¹³ Халлук – верхняя одежда, недлинный халат.

¹⁴ Фессалоники – современный город Салоники в Греции.

¹⁵ Мансио – гостиница, постоялый двор.

– Ты впервые пришел ко мне, Теодор из Фессалоник, и я не знаю, надежный ли ты человек. Мой прибыток будет таков: пять сотен и четыре десятка серебряных денариев за год.

Теодор обернулся к Елене. Лицо дочери сделалось напряженным, она сосредоточенно пересчитывала прибыток на проценты.

– Отец, это дорого! Шестьдесят денариев на каждую сотню! Пять процентов в месяц!

– Почтенный, – сдержанно проговорил Теодор, – со времен Республики запрещено брать больше, чем один процент в месяц.

Старик усмехнулся:

– И где она, эта Республика? Сейчас мы даже не знаем, кто император! В наше время взять деньги в долг – большая удача. Бери, гостинщик!

– Пойдем отсюда, отец! Мы не сможем отдать эти деньги! – Елена потянула его за руку.

Теодор повернулся, и они с дочерью решительно зашагали прочь.

– Эй, гостинщик! Я дам тебе хорошие условия! Вернись! – крикнул вслед старик-ростовщик.

Теодор вопросительно взглянул на Елену, та, поколебавшись, кивнула.

Он вернулся и навис над столом ростовщика.

– Ну, говори!

– Я дам тебе четыре процента в месяц!

– Елена? – Теодор посмотрел на дочь, и она сказала:

– Бери!

Старик опять пошептался с писарем, и тот с поклоном, спиной попятился к своему столику.

Когда договор был записан на льняном свитке, ростовщик прочел его вслух, снял кольцо с печаткой и поставил свой отпечаток. После старика печать приложил Теодор. Свидетели со своими печатями тоже стояли наготове.

Ростовщик вынул из шкатулки другой свиток и сделал в нем короткую запись. Все приложили свои печати еще раз, Теодор вручил свидетелям по монетке, и те с благодарностью отступили.

Наконец наступил важнейший момент – получение денег. Ростовщик придвинул к себе тяжелый сундучок, откинул крышку и стал выкладывать позвякивающие полотняные мешочки. Каждый был с печатью банкира и сопровождается надписью: «Сто серебряных денариев».

Когда на столе уже лежали четыре сотни, старик достал из сундука пятый мешочек, развязал его и отсчитал шестьдесят восемь монет.

Отец и дочь изумленно переглянулись.

– Старик, я расписался за девятьсот монет! – прорычал Теодор.

– О, я просто забрал свой прибыль сразу, ты можешь больше о нем не заботиться! Я же пообещал тебе наилучшие условия!

– Мошенник! Забирай свои деньги, мы расторгаем договор!

Ростовщик усмехнулся:

– Уже не получится! Отныне ты должен мне девятьсот денариев. Но, если хочешь, я могу забрать твою девчонку.

Ярость ослепляющим светом залила разум Теодора. Он бросился к старику, схватил его за шиворот и, держа на весу перед собой, заговорил, роняя слова, как тяжелые камни:

– Ты забудешь о моей дочери и расторгнешь договор!

Теодор разжал кулак. Иудей плюхнулся на свой табурет и истошно завопил:

– Арам! Амин! Асур! Бегите сюда!

В ту же минуту три дюжих раба возникли в тени портика и бросились к Теодору.

Тот успел прокричать:

– Елена, беги!

Но девочка лишь отступила на несколько шагов. Она не слишком беспокоилась за отца: в постоялом дворе он правил твердой рукой – драчунов разнимал быстро и аккуратно, обходясь без серьезных травм.

Первый из нападавших выступил вперед и отвел тяжелый кулак, однако не успел нанести удар. Теодор с упоением врезал ему в челюсть, пригнулся, пропуская удар второго раба, и резко ушел влево, подставив подножку третьему.

Гостинщик выпрямился и взглядом оценил результаты битвы. Первый раб лежал тихо, второй попытался встать,

и Теодор стукнул его ребром ладони по шее. Последний из рабов приподнялся, но, получив удар под дых, тут же затих.

Теодор поискал глазами ростовщика и, обнаружив его под столом в обнимку с сундучком, приказал:

– Вылезай, почтеннейший! Будем заканчивать наше дело!

Зеваки, собравшись в кружок, захохотали и заулюлюкали: ростовщиков в городе недолюбливали, а вот хорошую драку ценили. Тем не менее кто-то послал за стражей, и к ним уже спешили четверо заспанных вигилов¹⁶, вооруженных мечами.

Ростовщик проворно вылез из-под стола и, указав на Теодора пальцем, заверещал:

– Он ограбил меня! Причинил урон моему имуществу! Убил моих рабов!

Зеваки загалдели, раздались возмущенные выкрики:

– Иудей лжет!

– Ростовщик – мошенник!

– На Теодора напали!

Рабы потихоньку приходили в себя и уже сидели, крутя головами.

Старший вигил заметил:

– У твоих мертвецов свежий вид! Ты и ты, – он ткнул пальцем в Теодора и ростовщика, – за мной! Кто свидетели – тоже с нами!

¹⁶ Вигилы – пожарные и полицейские в Древнем Риме.

Стражники забрали сундучок с монетами и шкатулку с записями. Небольшая процессия двинулась в сторожевое помещение. Старшему явно не хотелось вести дознание под палящим солнцем на форуме.

Расположившись в сторожке, вигил ткнул пальцем в старика:

– Сначала рассказывай ты!

Ростовщик долго, с ненужными подробностями стал описывать, как злобный гостинщик Теодор пытался его ограбить и убить самых лучших его рабов.

Тем временем старший вигил, офицер из легионеров-пенсионеров, внимательно изучал взглядом Теодора. Его вопрос показался для других неожиданным:

– Скажи, гостинщик, а не доводилось ли тебе бывать в самом Риме?

Теодор нехотя ответил:

– Ну, доводилось.

– А не бывал ли ты в театре Флавиев, называемом Колизей?

– К чему эти расспросы? Они к делу не относятся, – сказал Теодор, но старший вигил восторженно прорычал:

– Я узнал тебя, гостинщик! Ты – великий и непобедимый гладиатор Теодорус! Пятнадцать лет назад весь Рим гадал: куда же ты скрылся? Ни одного поражения в боях! Ты был на вершине славы! Ты был поистине велик! Ты бы мог...

– Послушай, уважаемый, – будто стесняясь, прервал его

Теодор. – То старые дела, и я давно о них забыл.

Старший вигил обратился к ростовщику:

– Отвечай, старик, и не вздумай мне врать. Так получил Теодорус деньги от тебя или нет?

Было видно, что ростовщику хотелось соврать, но присутствие свидетелей не позволило.

– Нет... – короткое слово далось старику с трудом.

– Тогда я властью, дарованной мне Римской империей, объявляю договор недействительным! Вымарывай свои записи из свитка! – Вигил обернулся к гостинщику: – А ты, Теодорус, надеюсь, угостишь меня, Модеста Юстуса, стаканчиком фалернского!

На следующий день Модест Юстус, старший вигил, присланный из Рима в Дрепан, остановился в воротах и оглядел двор мансио «У трех дорог». Территория постоянного двора была обнесена массивной стеной и по правилам классического римского домуса состояла из двух частей: внешнего атриума и внутреннего перистилья¹⁷.

Вигил углубился во внешний двор, где по левую руку от ворот стояла кузница, возле которой крутился бородастый кузнец и двое рабов насаживали колесо на ось выдавшей видды повозки.

За кузницей располагались склады и конюшни, а в даль-

¹⁷ Перистиль – двор или сад, окруженный со всех сторон крытой колоннадой или отдельными портиками.

нем углу виднелись термы¹⁸ и прачечные. Прочие дворовые постройки и жилье для obsługi лепились к ограде вдоль всего периметра внешнего двора.

Строения справа от ворот скорее напоминали римскую улицу, в начале которой гостей встречала таверна – обширное двухэтажное здание со сводчатым залом. Рядом со входом в таверну имелся нимфеум, у которого можно было умыться и даже, по местному обычаю, совершить омовение ног – процедуру, которой Модест Юстус обычно пренебрегал. Из кухни доносились вкусные запахи, среди которых нос вигила безошибочно распознал аромат жареного барашка.

За таверной тянулись трехэтажные здания-инсулы¹⁹, их первые этажи занимали лавки с товарами для постояльцев, верхние предназначались рабам. В конце «римской» улочки стояли два небольших дома, в которых жили хозяева. В Риме здания штукатурили и красили в яркие цвета, но здесь, в провинции, предпочитали беленые стены и крыши, покрытые красной черепицей, что создавало своеобразный праздничный стиль.

По всему двору стояли повозки – пассажирские, военные, грузовые, и, судя по их количеству, постояльцев в мансио хватало с избытком. Спальни находились во внутреннем дворе, складывая периметр перистиля и уступая весь его

¹⁸ Термы – римские бани.

¹⁹ Инсула – многоэтажный жилой дом с комнатами и квартирами, предназначенными для сдачи внаем.

центр благоухающему цветущему саду. Вход во внутренний двор украшали солнечные часы. Тень от столбика-гномона²⁰ указывала на предпоследний дневной час.

Модест Юстус направился к таверне, где у входа его поджидал Теодор.

«Значит, наблюдал за двором, как и подобает хозяину», – с удовлетворением отметил вигил.

После приветствий мужчины прошли в таверну и уселись за стол у дальней стены, откуда зал был как на ладони.

Рабы проворно расставили на столе миски с зеленью, овощами и соусами. Посредине водрузили блюдо с барашком и кувшин с гарумом²¹. Затем один из них принес тяжелую остродонную амфору и предъявил вигилу клеймо известного фалернского винодела.

– Этому вину тринадцать лет, я сам выбирал его в Кампании, – сказал Теодор. – Вина с выдержкой больше пятнадцати лет слишком сладкие для баранины.

Раб удалил восковую пробку, медленно склонил амфору, чтобы не взболтать осадок, скопившийся в коническом дне, и наполнил меру янтарной жидкостью. Потом вылил меру в расписной кратер²², добавил из гидрии²³ первую меру воды

²⁰ Гномон – стержень, укрепленный на солнечных часах. По его тени определяли время суток.

²¹ Гарум – рыбный соус, древнеримский деликатес.

²² Кратер – сосуд для смешивания вина с водой.

²³ Гидрия – сосуд для воды.

и вопросительно посмотрел на гостя. Тот показал три пальца, что значило: три меры воды необходимо смешать с одной мерой вина. После смешивания благородный напиток был разлит в изящные килики²⁴.

– Воистину, твое имя соответствует твоей сути!²⁵ – воскликнул хозяин мансио.

– погоди, ты меня еще в деле не видел, – сдержав усмешку, обронил вигил.

Мужчины подняли чаши.

– Да славятся боги, пославшие мне спасителя Модеста Юстуса! – провозгласил Теодор.

– Да славятся боги! – воскликнул гость.

Они стукнулись чашами, выплеснув немного вина в жертву богам, и выпили до дна. Теперь настало время плотного ужина и неторопливой беседы.

Модест Юстус как гость начал первым:

– Твое заведение не уступает столичным.

В знак признательности Теодор склонил голову:

– Благодарю тебя за столь высокую оценку моей скромной кухни.

– Но я хотел бы расспросить тебя о твоей жизни в Риме как несравненного бойца. Я, опытный вояка, не понимал, как тебе удавалось выходить из безнадежных положений в сражениях. В чем секрет твоей удачи? – спросил вигил.

²⁴ Килик – неглубокая чаша с широким устьем на тонкой ножке.

²⁵ Имя вигила Модест, что значит «скромный».

– Боги ниспослали мне дар: я быстро двигаюсь, – ответил гостинщик.

– Какой же это дар! Так может каждый вояка.

Теодор протянул руку и предложил:

– Сыграем в игру легионеров? Шлепни мою ладонь!

Вигил молниеносно отреагировал и шлепнул его по ладони. То есть ему показалось, что по ладони, на самом деле шлепок пришелся по столешнице.

– Давай еще раз! – Модест Юстус сосредоточился, занес руку и – хлоп!

Увы, результат был все тем же. Несколько следующих попыток также не увенчались успехом.

– Мы можем поменяться ролями, – предложил Теодор.

Они поменялись, и с первого раза его рука плотно прижала к столу ладонь вигила.

– В молодости в этой игре мне не было равных, – сказал Модест, потирая руку.

– Могу подтвердить: ты и сейчас проворен.

– Я вспоминаю бой, когда ты в одиночку сражался с тремя ретиариями²⁶. Тогда мне казалось, что тебя спасло только чудо. Теперь я думаю иначе.

– К тому бою я готовился долго, – проговорил Теодор. – Кроме тренировок пришлось совершенствовать снаряжение. Своей победой я во многом обязан кузнецу при школе гладиаторов.

²⁶ Ретиарий – древнеримский гладиатор, вооруженный трезубцем и сетью.

– Сколько раз замирали трибуны, когда тебя опутывала сеть и гибель от трезубцев была неизбежной. Но ты освободился, и бой продолжался под рев толпы! – Модест Юстус с восхищением смотрел на хозяина мансио.

Тот позвал раба и знаком велел налить им вина.

– Сеть я ловил на идеально отполированный круглый щит. Таким же гладким был мой шлем.

– Ловко придумано!

– На тренировках я учился отбрасывать сеть и строить картину боя.

– Это как? – мотнул головой вигил.

– Старался держаться между ретиариями и провоцировал их на атаки. Изображал падение, потом уходил в сторону, а мои противники ловили друг друга в сети.

– Значит, ты нарочно изображал хромоту?

– В этом заключалась тактика боя. Чтобы не оказаться в треугольнике ретиариев, я вел их за собой, вступал в короткие схватки и наносил им легкие, но кровавые раны.

– Это я помню! – воскликнул Модест Юстус. – В конце того боя ты остался один на один с ловким и увертливым парнем.

– О да! Это был сильный и коварный противник. Для меня бой с ним был опасной игрой. А в его глазах я видел ненависть и желание убивать. Он действовал подло, среди гладиаторов таких не любят.

– Но у тебя была возможность убить его! – напомнил ви-

гил.

– Я избегаю убивать, – спокойно произнес Теодор.

– Помнится, ты бросил оружие на песок и ринулся на трезубец. Ретиарий выставил его перед собой, но ты сделал выпад, и вскоре он, обезоруженный, уже лежал на песке. Объясни мне, старому вояке, как ты это проделал?

Теодор сдержанно ухмыльнулся:

– Шагнул в сторону с разворотом, взял древко трезубца двумя руками и резко повернул. Ретиарий не успел разжать руку, вывихнул плечо, повредил локоть и от боли потерял сознание. Все очень просто.

– За такую простоту надо выпить! – Модест Юстус поднял чашу и с воодушевлением продолжил: – Когда сенатор Клавдий Пульхр воссоздал сражение гоплитов²⁷ Александра Македонского с фракийцами на арене Колизея, он выставил двадцать лучших гладиаторов из Падуи и столько же из Римской школы Лудус Магнус²⁸. Это был величайший бой! Из фракийцев ты уцелел один, сражаясь против четырех копейщиков.

Чернь срывалась со своих мест и бежала делать ставки. Казалось, шансов у Теодоруса Непобедимого нет, но я был одним из тех, кто верил в тебя и не прогадал! Давай же выпьем за веру в победу!

²⁷ Гоплит – древнегреческий тяжеловооруженный пеший воин.

²⁸ Лудус Магнус – крупнейшая из четырех школ гладиаторов в Древнем Риме.

Елена приоткрыла ставень окна в своей спальне и взглянула на солнечные часы. Тень гномона подбиралась к последнему дневному часу. Сиеста закончилась, и настала пора возвращаться в таверну. Никто быстрее и правильнее Елены не мог вести расчеты с постояльцами. Однако с недавних пор мужчины стали обращать на нее внимание, и Елене это не нравилось. Она накинула на себя голубую столу и покрыла голову скромной паллой, чтобы казаться незаметнее.

На кухне в этот час наступило самое напряженное время. Проверив кухонных рабов, Елена дала поручения повару и кухарке Дорсии, потом растерла пестиком в мраморной чаше листья мяты и переложила зеленую кашицу в тонкостенную ольпу²⁹. Добавив меду, налила в нее воды и вышла из кухни. Пересекая таверну, она заметила отца, сидевшего с гостем за столом для важных персон.

Теодор мельком взглянул на дочь и про себя удивился: прошло семь лет со дня смерти его ненаглядной Зои, а дочь неукоснительно следовала заведенному ею порядку: в конце дня относила в кузницу кувшин прохладной воды. Когда-то Зоя несла на плече гидрию, а рядом семенила Елена с крошечной амфорой. Какими счастливыми были для них те дни! Прошли годы, и воспоминания перестали приносить Теодору боль, оставив лишь светлую грусть.

Рабы незаметно переменили блюда, теперь это были легкие морские закуски: креветки, устрицы и сардинки. Центр

²⁹ Ольпа – кувшин с острым носиком, из которого пили, не прикасаясь губами.

стола украсила ваза с фруктами.

Зал между тем заполнился посетителями. Здесь были не только постояльцы мансио, но и горожане, ценившие кухню таверны «У трех дорог».

Когда короткие южные сумерки сменились темнотой, приблизился раб и поставил на стол бронзовый светильник в виде цветка, в котором вместо лепестков плясали язычки пламени.

– Изящная вещица, – улыбнулся вигил. – Могла бы украсить виллу богача!

– Работа нашего кузнеца Иосифа. Отныне этот светильник твой! – Теодор с почтением приложил руку к груди и в свой черед стал расспрашивать гостя: – Я знаю, ты недавно из Рима. Расскажи о наших многочисленных императорах.

Модест приосанился: порассуждать о власти имущих с заинтересованным собеседником – что может быть лучше в ходе неспешной трапезы.

– На римских форумах болтают, что во время правления божественного Галлиена³⁰ тридцать тиранов пытались узурпировать власть. Но все они – провинциальные выскочки. Никто из них даже не приблизился к Риму!

– Кое-кто из этих выскочек чеканил монету. Несколько серебряных сестерциев со странными именами попадали мне в руки. Правда, не всегда одновременно с последними новостями, – сказал Теодор. – Пока легионы сражались между

³⁰ Галлиен – римский император, правил с августа 253 г. до июля 268 г.

собой за очередного императора, варвары теряли страх перед Римом! А мы, простые провинциалы, не могли назвать имя того, кто нами правил.

Вигил доброжелательно улыбнулся:

– Благодаря гражданским войнам ваш провинциальный Дрепан стал важен для всей империи! Твое благополучие круто замешано на внутренних распрях и строительстве военного флота.

– С этим трудно не согласиться! Количество верфей выросло в несколько раз, как и количество моих постояльцев. Но я предпочел бы наживаться на строительстве торговых кораблей, а не военных.

– Одно могу сказать тебе, Теодор, – произнес Модест. – В Риме наконец появился истинный правитель, божественный Клавдий! Боги благоволят ему: он смог подчинить себе войска и сенат и готовится разгромить гигантскую армию германцев под Медиоланом. Авгуры предрекли императору победу!

Соглашаясь, Теодор преклонил голову:

– На все воля богов!

Пересекая двор, Елена исподволь наблюдала за сыном кузнеца Иосифа. Он был на год старше нее, но ему уже доверяли сложные ремонты. Вот и теперь Давид с помощью раба заканчивал сборку колеса, а Иосиф с одобрением следил за его работой.

Почувствовав взгляд Елены, Давид поднял глаза, и его лицо осветилось улыбкой, но тут же обрело серьезное выражение: дело прежде всего.

Кузнец Иосиф приветливо помахал ей рукой:

– Елена, дитя, ты заботаешься о нас так же, как когда-то заботилась твоя мать! – он принял из ее рук ольпу и распорядился: – Оставь работу, Давид. Дальше справятся без тебя.

Давид вытер руки и подошел к Елене.

– Salve!

– Здравствуй, Давид... – она опустила глаза. – Ты прячешься от меня уже месяц. Может быть, у меня вместо носа вырос клюв, как у аиста? Или я стала такой же толстой, как наша кухарка Дорсия?

– На это была причина. Я делал для тебя подарок. Идем! – он взял ее за руку и повел за собой.

У стены, отделявшей кузницу от двора, стоял массивный стол с маленькой наковальней. Здесь сын кузнеца был полновластным хозяином.

Иосиф крикнул им вслед:

– Давид, мы уходим! За тобой – погасить горн и закрыть кузню!

– Хорошо, отец.

Давид подошел к столу, открыл небольшой деревянный ящик и вытащил сверток. Когда он развернул кусок льняной ткани, Елена замерла от восторга.

В руках Давида был гребень, похожий на драгоценную ти-

ару. На нем в полукружии лучей из морских волн вставало солнце. В вечернем свете начищенная бронза сияла как золото.

– Это – тебе!

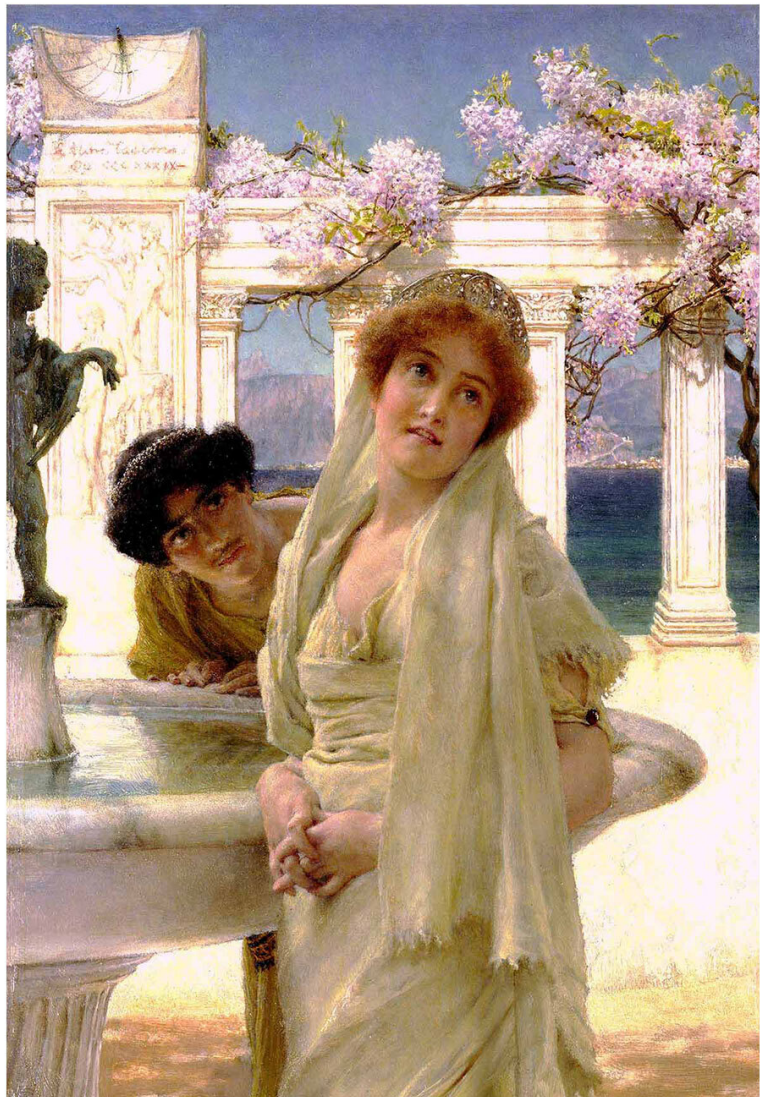
– Какая красота! Давид, я не видела ничего прекрасней! Ты – великий мастер!

Она развязала паллу, кинула ее на край стола и принялась укладывать тяжелые косы на макушке.

– Давай помогу! – Давид поддержал прическу, направил руку Елены с гребнем и отступил на шаг. – Да ты настоящая императрица! Могу ли я просить величайшей милости?

– Какой? – лукаво поинтересовалась она.

– Поцелуя!

Елена, смеясь, дружески чмокнула его в щеку, но он удержал ее за руку.

– Нет, не так! – Давид увлек ее за створку ворот, откуда со двора их не было видно.

Склонившись, он нежно коснулся губами ее щеки: один, другой раз, потом поцеловал в губы, совсем не так, как целовал отец. Елена замерла, закрыла глаза и отдалась новым ощущениям.

Внезапно раздался тонкий визгливый звук, как будто кто-то неумелый пытался играть на флейте. Елена вздрогнула и отстранилась.

Давид улыбнулся:

– Ливанский флейтист... Не бойся, это ветер завывает в трубе, – он обнял Елену, словно защищая от всех бед мира, и Елена прижалась, спряталась у него на груди, спасаясь от истинных и придуманных страхов.

Давид прошептал:

– Я люблю тебя, и всегда любил, сколько себя помню. Через год тебе исполнится четырнадцать, и мы поженимся. Я накопил денег, еще подкоплю, и мы уедем с тобой в Рим. Я стану ювелиром, мы разбогатеем!

– Но я не хочу в Рим! – запротестовала она. – Мне здесь хорошо!

В это время тревожно присвистнул ветер, поднял огонь

в горне, и несколько искр упали на паллу Елены, другие опустились в ящик с углем и затаились на время.

Палла вспыхнула сразу. Подростки отшатнулись друг от друга. Давид сдернул со стола горящую ткань и затоптал ее на полу. Но в тот же миг загорелся кусок холста, в котором лежал гребень, и огонь перекинулся на ящик с инструментами.

Елена схватила ольпу и выплеснула остатки воды на огонь. Потом бросилась к огромному пифосу, который был зарыт возле кузни. Давид опередил ее, он уже возвращался с большим войлочным ведром, полным воды. Через минуту огонь был погашен, и в наступившей темноте лишь слабо светились угли в тлеющем горне.

– Мне следовало загасить его раньше, – виновато пробормотал Давид.

Он выгреб угли в совок, Елена очистила стол. Не глядя друг на друга, они завершили уборку. Давид закрыл вторую створку ворот, но вдруг из ящика с углем взвилось высокое пламя. Огонь мгновенно перекинулся на деревянные полки, и в кузне выросла неукротимая полыхающая стена.

Елена и Давид бросились к пифосу, но пламя разгоралось сильнее и жарче. «Ливанский флейтист» издевательски просвистел в трубе, и языки пурпурного пламени взвились до самых балок, на которых лежала черепица. На них пахнуло губительным жаром, и Елена бросилась к таверне, где были отец и помощь.

Теодор посматривал на вход, гадая, что задержало дочь. Обычно в это время она сидела за стойкой и вела расчеты с гостями. Но когда Елена появилась на пороге таверны, он в первое мгновение не узнал ее. Над перепачканным лицом дочери сверкала корона, а мокрая одежда облепила все тело.

Они встретились глазами, и Елена крикнула:

– Отец! Кузница горит!

Модест Юстус первым бросился к выходу с оглушительным рыком:

– Давай сюда топоры!

Во дворе его догнал Теодор и вручил топор. Они добежали до горящей кузницы, Теодор оттолкнул Давида и с отчаянием замер, глядя, как огонь лижет створки ворот.

Голос вигила вырвал его из оцепенения:

– Строй людей в цепочку от нимфеума! Быстро передавайте воду сюда! – крикнул он и принялся рубить деревянный столб, поддерживающий крышу горящей кузницы.

Теодор приказал рабам и подоспевшим постояльцам встать в цепочку. Они стали передавать из рук в руки ведра и кувшины с водой. Сам Теодор отыскал еще один топор и взялся рубить второй столб.

Не прошло и минуты, как черепичная крыша рухнула, похоронив под собой кузницу и огонь. Рабы растащили по сторонам еще полыхавшие створки ворот и пролили их водой. Потом залили языки пламени на обломках кузницы. Пожар

был потушен, теперь над развалинами поднимались лишь струйки дыма и пар.

Теодор подошел к перепачканному сажей Иосифу и положил руку ему на плечо:

– Завтра на рассвете возьмешь рабов и вытащишь из-под завала то, что можно спасти. Потом начинай восстанавливать кузню.

– Прости меня, хозяин, – Иосиф опустил голову. – Не доглядел.

– Пожар в твоем ремесле – не редкость.

К кузнице с кувшином прибежала Елена и стала щедро поливать оливковым маслом ожоги у пострадавших. По счастью, их было немного. Толпа из постояльцев и домочадцев начала расходиться. Все громко обсуждали подробности пожара, воздавая должное вигилу Модесту Юстусу.

В знак благодарности Теодор объявил о бесплатном ужине. Двор опустел, и только «ливанский флейтист» выводил унылую песню в разрушенной трубе кузницы.

Глубокой ночью, когда Елена и Теодор наконец добрались до дома, девочка, глядя в сторону, проронила:

– Отец, мне надо тебе признаться...

– Разговоры мы отложим до завтра, – Теодор устало вздохнул и погладил ее по голове. – Сейчас иди спать.

Елена поднялась к себе в комнату с тяжелым чувством вины: она помешала Давиду вовремя погасить горн. Мансио был нанесен огромный ущерб: вместо возведения новой при-

стройки, о которой мечтали, они потеряли кузню.

– Что за день... – грустно проронила она, решив, что ей не уснуть.

Но сон пришел сразу, как только Елена легла в постель.

Capitolo III

Турция, Мраморное море.

Лайнер «Олимпик».

Наше время

Шел третий час неведения и догадок. Пассажиры «Олимпика» разбрелись по салонам и палубам лайнера в ожидании сообщений от круизного менеджера.

Капитан, имевший неосторожность выйти из рубки, тут же был окружен толпой желающих узнать подробности убийства. Менее любопытных волновал перенос экскурсий.

– Когда нас выпустят в порт?!

– Мы заплатили деньги и не собираемся весь отпуск провести на «Олимпике»!

– Нас повезут в Херсек?

Капитан поднял руки, будто сдаваясь:

– Господа! Еще немного терпения, и все будет улажено. Как только что-нибудь прояснится, информацию доведут до сведения всех пассажиров.

Элина сидела у барной стойки возле бассейна и, потягивая сок, прислушивалась к тому, о чем говорили две пожилые американки.

– Белое вино отдает какой-то кислятиной... – сказала полная дама в шортах.

Ее подруга заметила:

– Лучше пить кислятину, чем лежать со свернутой головой.

– Труп еще на борту?

– Говорят, его положили в кухонный холодильник.

– А это законно?

– Нужно спросить у капитана.

– Подумать только: на месте этой девушки могли оказаться ты или я...

– Здесь свободно? – Табурет возле Элины оседлал мужчина в солнцезащитных очках и надвинутой на нос шляпе.

– Думаю, да.

Он взял себе виски и, оглядев Элину, представился:

– Меня зовут Лу́ ка.

Она проронила:

– Я – Элина.

– Надолго мы тут застряли?

– Могу лишь догадываться, – ответив на вопрос, Элина окинула его любопытным взглядом.

Он выглядел лет на тридцать, но, скорее всего, был существенно старше. Во всем его облике ощущалось внимание к малейшим деталям собственной внешности: чисто выбритый подбородок, ровный загар и тщательно отутюженная рубашка.

Лука снял солнцезащитные очки:

– А что подсказывает ваша интуиция?

– На берег сойдем только к вечеру, – предположила она.

Поправив шляпу, Лука озабоченно хмыкнул:

– Не удивлюсь, если корабль задержат в порту Яловы.

Разговор носил безотнositельный, формальный характер. Элина быстро заскучала. Оглядевшись, она встретила взглядом с Богданом. Он резко встал и, подойдя вплотную, столкнул Луку с табурета.

Тот возмутился:

– В чем дело?! – Однако, взглянув на Богдана, кивнул: – Все понял. Девушка – ваша.

Когда Лука ушел, Элина приказала Богдану:

– Теперь объясните, что это было.

– Терпеть не могу наглецов! – зло прорычал Богдан.

– Из вас двоих наглец – это вы.

– Он приставал!

– Даже если так, вам-то какое дело? – Элина прыгнула с табурета и в сердцах оттолкнула Богдана.

Уже через мгновение они разошлись и встретились лишь за обедом, который из-за чрезвычайной ситуации начался на два часа позднее обычного.

Теофилус Чезарини воздал молитву Господу, и все сидевшие за столом в полном молчании приступили к трапезе, даже Богдан. По его лицу было видно: он осознает серьезность ситуации и многого опасается.

На протяжении обеда Ердын Экинджи не раз заговаривал на разные темы, но его никто не поддерживал, и разговор не клеился. Рано или поздно каждый исподволь бросал

взгляд на пустующий стул, рядом с которым сидела заплаканная шведка, подруга Оды.

Все разговорились только к десерту. Причиной послужило легкое вино, а поводом – появление круизного менеджера. Поджарый мужчина лет сорока пяти вошел в ресторан в сопровождении двух помощников. Казалось, он был подавлен грузом колоссальной ответственности, которая легла на его плечи.

– Дамы и господа! Попрошу внимания!

Все, кто был в обеденном зале, притихли и устремили взгляды на него. Кому не было видно, задвигали стульями.

Он продолжил:

– Я сожалею о случившейся трагедии, скорблю и приношу свои извинения.

От какого-то стола донеслось:

– Убийцу нашли?

– Я не уполномочен давать подобную информацию. Расследованием занимаются полицейские.

– Лайнер задержат в Ялове?

– Круиз будет продолжен, но следственная группа останется на борту.

– Надолго?

– Этого я не знаю.

– А как насчет сегодняшних экскурсий?

Круизный менеджер заглянул в свой планшет:

– Экскурсия на термальные воды в Ялову отменяется.

За столами возмущенно загалдели:

– Ну все! Началось!

– А как же поездка в Херсек?

– Поездка в Херсек состоится. Всех желающих поехать прошу поспешить с обедом. В связи с переносом времени возвращаться на «Олимпик» придется затемно.

И снова задвигались стулья, кое-кто уже поднялся из-за стола и направился к выходу.

– Прошу внимания! – менеджер форсировал голос. – Я должен вас ознакомить с обязательными требованиями!

Все смолкли, и он заговорил несколько тише:

– Первое требование: обязательный учет убытия в терминале. Не забывайте прикладывать к устройству корабельную карточку.

Его поторопили:

– Второе?!

– Проход к микроавтобусам строго по коридору из полицейских.

Богдан выкрикнул:

– В Ялове началась война?!

На него сердито зашикали, и менеджер по круизу продолжил:

– Третье: в каждый микроавтобус садится не более шести человек, в полном соответствии с рассадкой за обеденными столами. – Перехватив взгляд епископа, он уважительно поклонился: – Ваше Преосвященство вместе с помощни-

ком поедет на лимузине.

– Благодарю, но я поеду один, – ответил тот.

– И, наконец, четвертое...

– Боже мой, когда же это закончится! – Лидия в изнеможении уткнулась лицом в скатерть. Было очевидно: она переняла у Богдана склонность к бунтарству и пыталась ему подражать.

– ...в каждом автобусе едет сопровождающий полицейский, – продолжил менеджер. – Во время экскурсии прошу держаться поближе к экскурсоводу и группе.

От первых столов донеслось:

– Мы будем под стражей?

Богдан соорудил ехидную мину:

– За нами будут присматривать.

– Думаю, что вам не следует задиаться, – назидательно заметил епископ. – Благодарите Господа, что нас отпускают с корабля. За разрешением на экскурсию пришлось обращаться к министру внутренних дел.

– Неужели все настолько серьезно? – спросил Ердын Экинджи.

– Утром с «Олимпиака» пожелали сойти два десятка туристов и группа паломников из Египта. Возникла щекотливая ситуация, – Теофилус Чезарини скромно потупился. – Пришлось использовать личное знакомство с министром.

– Мы всем обязаны вам, – догадалась Нинель Николаевна. – От себя лично сердечно благодарю. Если бы экскурсию

в Дрепан отменили, я бы расстроилась.

– А я бы пережила! – с вызовом заявила Лидия.

– При чем здесь Дрепан? – удивился Богдан. – Выходит, мы не едем в Херсек?

Нинель Николаевна перевела глаза на болгарина:

– Современный Херсек стоит на месте древнеримского Дрепана. Это одно и то же место на карте Турции.

Тем временем круизный менеджер покинул обеденный зал, и Нинель Николаевне пришлось уточнять время отправления на экскурсию у его помощников. Никто из сидевших за двадцатым столом не пожелал остаться на лайнере, все собрались в Херсек.

Богдан очень точно выразил их солидарную позицию:

– Мужество свободного человека – бегство от неприятностей.

– Вот уж не ожидала, что вы читали Спинозу, – заметила Нинель Николаевна и безнадежно махнула рукой. – Впрочем, от вас можно ожидать чего угодно!

Процедура посадки на экскурсионные автобусы оказалась не такой унижительной, как ожидалось, – коридора из автоматчиков не было. Группы сформировали еще на борту лайнера и вывели к микроавтобусам в сопровождении полицейских.

В двадцатый автобус сопровождали четырех пассажиров: Элину, Лидию, Нинель Николаевну и Богдана. Ердын Экинджи, как видно, передумал или же опоздал на посадку.

За несколько минут до отправления Нинель Николаевна вспомнила, что забыла взять видеокамеру и потребовала сопроводить ее на «Олимпик». Лидия обещала, что будет снимать на телефон, но профессорша настояла на своем и ушла на лайнер в сопровождении полицейского. Назад они вернулись втроем, к ним присоединился Ердын Экинджи, который опоздал из-за того, что прилег отдохнуть и не завел будильник.

К пяти пассажирам с «Олимпиака» приставили тихого полицейского, который сел на заднее сиденье и никак себя не выказывал. Чего нельзя было сказать об экскурсоводе: стокилограммовый здоровяк Серхат с трудом перемещался в проходе микроавтобуса, перекрывая обзор.

В первые минуты после отъезда из Яловы комментировать было нечего: вдоль дороги рядами шли типовые трехэтажные дома. Иногда над ними возникали купола мечетей и остроконечные пики минаретов.

Серхат тем не менее нашел о чем рассказать:

– Я знаю, что у вас сорвалась экскурсия к термам Яловы. Позвольте, вкратце о них расскажу. Термальный курорт Ялова знаменит минеральными источниками со времен Османской империи. Но еще в третьем веке римский император Константин, сын Равноапостольной царицы Елены, приезжал туда лечиться и отдыхать. – Серхат остановился в проходе между креслами и спросил у Нинель Николаевны: – У вас тематический круиз?

Она охотно ответила:

– Мы путешествуем по местам зарождения раннего христианства.

– В таком случае стоит продолжить, – Серхат расплылся в добродушной улыбке. – Император Константин известен тем, что покончил с преследованием христиан и активно поддерживал церковь. «In hoc signo vinces!»³¹ – эти слова и крест увидел он в небе перед сражением³². Поверив в знамение, Константин приказал своим легионерам начертать кресты на щитах и одержал победу.

– Его мать, Святая Елена, не раз приезжала в Ялову, – вмешалась Нинель Николаевна. – Позднее император Константин переименовал город Дрепан в Еленополь – в честь собственной матери.

– А вы неплохо разбираетесь в истории христианства, – заметил экскурсовод.

– Я неплохо разбираюсь в истории в целом, – уверенно заключила профессорша.

Серхат продолжил рассказ:

– Что касается Дрепана, он располагался на побережье, возле длинного мыса, который образует удобную гавань. В ней прятались от бурь корабли, и со временем в гавани построили порт и судостроительные верфи. В мелководной лагуне стали выращивать креветок, устриц, крабов и рыбу.

³¹ «In hoc signo vinces!» (лат.) – Сим победиши!

³² Битва с императором Максенцием у Мульвиева моста вблизи Рима в 312 г.

Место оказалось удобным для путешественников. Выступающий мыс Дрепана был максимально близок к противоположному берегу, и здесь была кратчайшая переправа. Скоро вы сами увидите это место.

Глядя через окно на поля с рядами низкорослых кустарников, Богдан уточнил:

– Вы сказали, что в гавани были верфи?

– Здесь строили военные корабли, но верфи не сохранились.

– Для строительства кораблей нужен лес.

Серхат согласился:

– Уверен, что да.

– Но в этой местности леса нет. Из чего же древние римляне строили свои корабли?

– Может быть, его откуда-то доставляли? – предположила Элина.

– Слишком дорого, – прокомментировал Ердын Экинджи. – Это я могу утверждать как опытный инженер-строитель.

Ясность, как всегда, внесла всезнающая Нинель Николаевна:

– Во времена древних римлян здесь произрастали густые леса. То, что вы наблюдаете сейчас, – результат многовековой деятельности недальновидного человечества.

– В такое трудно поверить... – грустно проронила Элина.

– Могу привести пример: во времена греческой экспансии

многие острова в Средиземном море были покрыты лесами, но за время существования там греческих колоний они были полностью вырублены.

– Уже прибываем в Херсек! – Серхат оживился. – Обращаю ваше внимание: мы едем по древнеримской дороге. Спустя многие века она пролегает там же, где была.

Ердын Экинджи протянул Элине непечатую бутылку воды:

– Пить не хотите?

– У меня есть вода, – ответила она и покосилась на Нинель Николаевну.

Та вполголоса проронила:

– По-моему, он за вами ухаживает.

Элина дернула плечиком и тут же услышала позади себя голос Богдана:

– Не позволяйте турецкому Аполлону себя окрутить.

– Вам-то какое дело? – поинтересовалась она.

– Турецкая удача – беда для болгарина.

– Только что придумали?

– Болгарская поговорка.

– Кыш! – Элина взмахнула рукой и случайно шлепнула его по лицу. Смутившись, заметила: – Простите, я не собиралась разбивать вам физиономию.

Богдан притворно вздохнул:

– Большая рана заживет, плохое слово не забудется. Это, чтоб вы знали, тоже болгарская поговорка.

– И этот туда же... – заметила Нинель Николаевна и поинтересовалась у Серхата: – Есть информация о том, где стояла гостиница, в которой родилась Святая Елена?

– Мы скоро туда приедем, – пообещал экскурсовод.

– Не говорите ерунды! – громко сказал Богдан. – По прошествии двух тысячелетий этого знать нельзя.

– Речь идет о некоем символическом месте, – миролюбиво заметила Нинель Николаевна. – Все здешнее побережье усыпано каменными кладками древних городов. Они вкривь и вкось наслаиваются и примыкают друг к другу, и уже ни в чем нельзя разобраться. – Обернувшись, профессорша взглянула на Лидию, которая сидела рядом с Богданом: – Ты слышала? Сейчас мы увидим, где жила Святая Елена.

– Веришь в сказки для наивных туристов? – спросила девочка. – Это на тебя не похоже.

– У меня есть предложение! – Богдан поднял руку. – Пойдемте лучше в универмаг за одеждой! – Он хлопнул себя по коленке. – Вторые сутки в одних штанах.

Автобус тем временем съехал с трассы и свернул на узкую дорогу.

Серхат склонился и посмотрел в окно:

– Мы прибываем на место.

Элина оглядела каменистую площадку, за которой виднелись ряды ухоженной зелени, двухэтажное здание и сельскохозяйственные постройки. Рядом с площадкой уже припар-

ковались микроавтобусы и белый лимузин, возле которого в фиолетовой сутане стоял Теофилус Чезарини. Склонив голову, он молился.

– Епископ, и тот переоблачился, – сказал Богдан. – Давайте по-быстрому все осмотрим – и сразу в универмаг.

Элина встала с кресла и, перед тем как выйти из автобуса, насмешливо проронила:

– Шутник...

В сопровождении экскурсовода и полицейского пятеро пассажиров прошли в глубь площадки.

Серхат остановился у полуразрушенной каменной стены и, дождавшись, когда экскурсанты выстроятся возле него, заговорил:

– С большой долей вероятности можно предположить, что именно в этом месте жила Святая Елена. Древние авторы утверждают, что Елена родилась в простой семье. Одни считают, что она работала служанкой в таверне. Другие приходят к выводу, что Елена была дочерью владельца постоянного двора для должностных лиц римской империи, которые останавливались там не только для того, чтобы отдохнуть, но и чтобы поменять лошадей. Как правило, постоянные дворы строили на расстоянии тридцати миль друг от друга, что приравнивалось к одному дневному переходу в повозке, и располагали их на перекрестках дорог.

– А разве не сохранились старинные карты? – поинтересовалась Нинель Николаевна. – В Херсеке или в Ялове на-

верняка есть исторический музей.

– Музей, конечно же, есть, я видел там карты древнеримских дорог, но они весьма и весьма условны.

– Этого добра и в интернете хватает, – согласилась профессорша.

– К слову о древнеримских дорогах, – снова заговорил Сер-хат. – В Дрепане, как раз в этом месте, пересекались три: одна вела к верфи, другая – к переправе, а третья – в Рим. Их пересечение вполне подходило для строительства постоянного двора.

– И это все, что сохранилось? – Лидия кивнула на остаток стены и, скучая, зевнула. – Стоило ради этого тащиться в такую даль.

– Видишь ли, девочка... – медленно заговорила Нинель Николаевна. – Если бы ты знала или хотя бы представляла, какую роль Святая Елена сыграла в жизни женщины в целом, ты бы так не говорила.

– Бабуля, вечно ты все преувеличиваешь!

– У древних римлян и греков женщина была собственностью. Ею владел отец или муж. Часто она не имела даже имени. Особенно это касалось плебеек.

– Считалась неодушевленной?

– Вот именно! И только христианство подарило женщине душу. До некоторых пор христианская религия была основана лишь на преданиях. Материальные подтверждения и святыни появились у христиан после поездки Святой Еле-

ны в Иерусалим и Вифлием, где она обрела реликвии и основала храм Гроба Господня. Елена дала христианству материальную жизнь, а узаконил христианство император Кона-
стантин, ее сын.

Не успела Нинель Николаевна договорить, как ее голос заглушили сирены. К площадке подъехали два полицей-
ских автомобиля с включенными проблесковыми маячка-
ми. Из них выскочили шестеро вооруженных полицейских
и окружили Богдана.

– Богдан Стоянов Апостолов? – спросил старший офицер.

– Ну я... – растерянно проронил болгарин.

Офицер громко зачитал ему несколько фраз и помахал до-
кументом. Щелкнули наручники, и Богдана поволокли к по-
лицейскому автомобилю.

Все произошло слишком быстро, никто не успел отреаги-
ровать на его арест, и только Серхат, выдержав паузу, тихо
проронил:

– А мы продолжаем нашу экскурсию...

Арест болгарина омрачил поездку в Херсек. Проведя
больше часа на каменистом пяточке, где, по утверждению
Серхата, когда-то стояло мансио, в котором родилась Святая
Равноапостольная царица Елена, путешественники направи-
лись к заливу (на место древнеримских верфей), потом –
на окончание мыса, откуда пролегал автомобильная дорога
на противоположный берег залива.

На протяжении всего пути никто не слушал экскурсовода. Каждый думал о своем или, что вероятнее всего, об аресте Богдана. Всем было ясно, что он как-то связан с убийством Оды.

Только однажды Лидия спросила у бабушки:

– А что значит «равноапостольная»?

– Равная апостолам по величию, – объяснила ей Нинель Николаевна.

– Теперь понятно, – сказала девочка, и на этом их разговор закончился.

В Ялову они возвратились затемно и сразу разошлись по каютам.

В одиннадцать вечера лайнер «Олимпик» вышел в Мраморное море и, согласно маршруту, направился в Кушадасы, ближайший к Эфесу порт.

Утром, едва проснувшись, Элина вышла на балкон, взглянула на блиставшее солнцем море и вдруг услышала стук.

Накинув халат, она подошла к двери и заглянула в глазок:

– Кто там?

– Откройте, это полиция, – ответили ей по-английски.

Одновременно с этим к глазку приблизился развернутый документ.

Элина открыла дверь и увидела перед собой двух мужчин в форме. Взяв в руки документ, она сверила внешность его владельца с фотографией и прочитала вслух:

– Айзак Таскиран, следователь. – Переведя взгляд на вто-

рого, спросила: – Вы кто такой?

– Это Ибрагим Ядигар, мой помощник, – сказал Таскиран и забрал свое удостоверение. – Можем пройти в каюту?

– Зачем?

– Надо поговорить.

– Проходите... – Элина плотнее запахнула халат, отступила в сторону и, дождавшись, когда мужчины пройдут в гостиную, захлопнула дверь.

Как только расселись, она спросила:

– О чем пойдет речь?

– Вероятно, вы уже слышали, что на корабле случилось убийство.

– При чем здесь я?

Следователь многозначительно обронил:

– Пока ни при чем.

Элина встала, прошла к выходу и распахнула дверь.

– Прошу вас уйти!

– Зачем же так жестко?

– Мне не нравится ваша манера вести разговор. Впредь, если решите меня допрашивать, сделайте это официально в присутствии адвоката.

Мужчины переглянулись, и Айзак Таскиран отчетливо произнес:

– Служба в военной прокуратуре Израиля пошла вам на пользу, Элина Коган.

– Откуда у вас эти сведения? – Она закрыла дверь и вер-

нулась на место.

– У каждого ведомства существуют свои каналы. О них не принято говорить. – Следователь сделал жест, предлагая ей сесть. – Мы в некотором роде пришли к вам как к коллеге.

– Ну, говорите.

– Вы знакомы с Богданом Апостоловым?

– В обеденном зале сидим за одним столом, но познакомились в дороге. По чистой случайности ехали в порт в одном такси.

Следователь и его помощник снова переглянулись.

Элина с нажимом повторила:

– По чистой случайности!

Айзак Таскиран улыбнулся и поднял руки:

– Никто не подвергает это сомнению. Еще один вопрос: что можете рассказать о болгарине?

– Обычный человек, – начала Элина. – Немного самовлюблен и заносчив, но это не может характеризовать его как преступника.

– В целом вы правы, однако в общении за столом Апостолов мог проявить и другие качества.

– За столом мы говорим на отвлеченные темы, – она отвечала сдержанно, понимая, что каждое неосторожное слово может вызвать непредсказуемые последствия.

– О чем, например? – уточнил помощник следователя.

– Например, о том, что Собор Святой Софии с недавнего времени стал мечетью.

– Понимаю... – проронил Таскиран. – Слышал, за вашим столом сидит католический священник?

– Епископ Теофилус Чезарини. Его тоже будете допрашивать?

– Нет-нет... Что вы!

– Кажется, Чезарини – друг вашего министра внутренних дел...

– Это – без комментариев! – прервал ее Таскиран. – Если не возражаете, вернемся к Богдану Апостолову.

– Что еще вас интересует?

– Возможно, вы заметили какие-то особенности в его поведении. Например: опаску, раздражительность или неуверенность...

Элина с улыбкой пожала плечиком:

– По-моему, он – веселый малый, жизнерадостный бонвиван. Чего ему опасаться?

– Кажется, вы симпатизируете этому типу, поэтому так сдержаны в оценках, – сказал Таскиран и перешел к делу: – Видели Богдана Апостола рядом с Одой Густафссон?

– Да.

– Где и когда?

– После ужина в ночном клубе.

– Расскажите подробнее.

– Я и моя соседка по столу...

– Мадам Астахова? – уточнил следователь.

– Мне неизвестна ее фамилия.

– Продолжайте.

– После ужина, гуляя по палубе, мы с Нинель Николаев-ной и ее внучкой зашли в ночной клуб. Там увидели Богдана Апостолова, который танцевал с той самой шведкой.

– Одой Густафссон?

– Вероятно – да.

– Кто-нибудь еще из ваших знакомых был тем вечером в клубе?

– Турок Ердын Экинджи.

– Кто еще?

– Подруга Оды.

– Агнетта Зандберг?

– С ней я не знакома, но за обеденным столом они с Одой сидели рядом.

– Агнетта и Экинджи были вместе?

– Думаю, да. По крайней мере, танцевали друг с другом.

Айзак Таскиран что-то записал в своем планшете, после чего уточнил:

– Это все, что можете рассказать?

– Утром следующего дня я встретила Апостолова у бассейна.

– Так-так... Прошу, продолжайте.

– Он выглядел как человек, накануне перебравший спиртного и, судя по всему, спал не раздеваясь.

– Это интересно... Почему вы так решили?

– Богдан был в той же одежде, что днем раньше, и она

была помятой.

– Вам известно, почему Апостолов путешествует без багажа? – спросил следователь.

– Это последнее, что меня интересует.

– Он сам ничего вам не рассказывал?

– Помнится, в Херсеке Апостолов хотел поехать в универмаг.

– Предполагаете, за одеждой?

– Скорее всего, да.

Айзак Таскиран закрыл свой планшет и с недовольным видом передал его помощнику.

– Мутная история, не находите?

– Что же в ней мутного? – поинтересовалась Элина.

– Все!

– Нельзя обвинять человека в убийстве женщины только потому, что накануне вечером он с ней танцевал.

– И не только... – вмешался помощник следователя Ибрагим Ядигар. – Апостолов последним видел Оду Густафссон живой. Он пробыл в ее каюте с половины первого ночи до трех. Это зафиксировали камеры наблюдения. В шесть утра в каюту вернулась Агнетта Зандберг и обнаружила подругу со свернутой шеей.

– Важная информация, – дополнил Таскиран. – С трех часов ночи до шести утра в каюту Густафссон никто не входил.

Элина опустила глаза и, чуть помолчав, проронила:

– Слишком очевидно...

– О чем это вы? – напрягся следователь.

– Чересчур очевидные факты иногда заводят в тупик.

– Полагаете, болгарин не виноват?

– Я так не сказала.

– Тогда что же вы имели в виду?

– Богдан и Ода познакомились тем же вечером и, судя по времени, проведенному в ее каюте, он получил свое. Болгарину незачем было ее убивать.

– Случается и не такое.

– Случается, – согласилась Элина. – Надеюсь, расследуя это дело, вы примете во внимание все детали и факты.

– Имеете в виду что-то конкретное? – уточнил Таскиран.

– Только факты, которые выпадают из общей картины преступления.

Он неожиданно выпалил:

– Вспоротый матрас, например, показался бы вам странным?

Она с пониманием кивнула:

– Вполне.

Возникло секундное замешательство, после которого Айзак Таскиран тяжело вздохнул:

– Ну, что же... Сказав «а», скажу и «б»... После задержания Апостолова в Херсеке его привезли на «Олимпик». К тому времени я уже получил ордер на обыск его каюты...

– Что-нибудь нашли? – вырвалось у Элины.

– Когда мы вошли в каюту, то заметили, что до нас там

кто-то уже побывал. Помимо вспоротого матраса было раскурочено все, что могло служить тайником.

– Апостолов что-то прятал?

– Я спрашивал, но он не признался.

– И как это связано с убийством?

– Пока не знаю, – следователь встал и, прощаясь, протянул Элине руку. – Если у вас появятся какие-нибудь мысли на этот счет, сообщите мне.

– Как с вами связаться?

– Теперь мы будем часто встречаться.

На завтрак Элина опоздала, и пока она собиралась, наступило время обеда. К ее приходу в ресторан за столом уже сидели все ее сотрапезники. Все, кроме Богдана.

Епископ, как обычно, прочел молитву, и они приступили к обеду.

– Вас, кажется, допрашивали? – спросила Нинель Николаевна у Элины.

– Следователь Таскиран назвал это беседой, – ответила та.

– Он считает, что девушку убил наш болгарин?

– Богдан взят под стражу, и думаю, что не зря, – довольно неуклюже вмешался Ердын Экинджи. – В этом мире не осталось ничего святого!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.